

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Пропала дочь президента

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Пропала дочь президента

«ЭКСМО»

2015

Леонов Н. И.

Пропала дочь президента / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-79397-6

В элитном коттеджном поселке «Озерки» неизвестные совершают два тяжких преступления. Сначала злоумышленники расстреливают в автомобиле Людмилу Зайченко, а буквально через несколько минут они же похищают хозяйку одного из коттеджей Галину Воскобойникову. В «Озерки» срочно приезжают лучшие сыщики МУРа полковники Гуров и Крячко. Они осматривают места преступлений, опрашивают свидетелей и выясняют, что жертвы были, во-первых, внешне очень похожи друг на друга, а во-вторых, ездили на одинаковых автомобилях. Опытные сыщики понимают, что это не простое совпадение. Это – зацепка, которая поможет выйти на след преступников...

ISBN 978-5-699-79397-6

© Леонов Н. И., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Пропала дочь президента

© Леонова О.М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

20.07.2014

«Блог ведет президент республики»

«Дорогие мои юные друзья! Я уже писал, что этот блог создан специально для общения с девушками, с подрастающим и активно входящим во взрослую жизнь поколением, которое хочет преобразования нашей республики. Ведь ни для кого не секрет, что слишком сильны традиции наследия древних веков, когда женщина у наших народов была бесправна. Она не имела права получить образование, не имела права даже сесть за один стол с мужчинами. Да, эти варварские обычаи мы в основном победили, но искоренить их полностью еще трудно.

Меня очень интересуют успехи моих юных соотечественниц в учебе, труде, спорте, науках. Я радуюсь за вас, как отец, я всегда готов помочь каждой из вас добрым советом и непосредственным участием».

22.07.2014.20.12

«Азиза»

«Я очень рада, что родилась именно в это время. Мне бабушка рассказывала, какие порядки царили в стране еще тридцать лет назад. Даже во времена советской власти царили беззаконие и дикость. Особенно в дальних аулах»

22.07.2014. 21.04

«Назифа»

«Дорогие девочки! Я уже немолодая женщина, которая застала еще и советскую власть. И я много изучала этот вопрос, даже напечатала несколько статей в республиканских журналах на эту тему. Не стоит те времена называть временами беззакония. Законы семьи и брака формировались у нашего народа веками. И направлены они были не на унижение женщины. Не это было их целью...»

23.07.2014. 00.50

«Галия бобо»

«Здравствуйте, домулло! Я знаю, как Вы стараетесь для нашего народа создать все условия для учебы, достойной жизни, как Вы боретесь за возрождение национальной культуры и за интеграцию в современную евразийскую культуру. Я писала Вам, и Вы мне ответили, что радуетесь моим успехам в спорте. И просили сообщать о новых достижениях. Я победила в последнем турнире и заняла призовое место! Теперь в теннисном рейтинге я на 112-м месте. Еще чуть-чуть, и я смогла бы войти в первую сотню. Я знаю, домулло, что Вы за меня рады, как и за всех девушек республики, но все равно скажете, что спорт – это не все. Нужно обязательно учиться...»

24.07.2014

«Блог ведет президент республики»

«Как президент республики, я не могу не радоваться тому, что девушки так активны в жизни, что у них такая активная гражданская позиция. Но, как отцу девятерых детей, мне приятно радоваться успехам каждой из вас. Вы все мои дочери!

Я хочу порадоваться за Галию, которая поделилась со мной своими спортивными успехами, за десятки и сотни других девушек, которые пишут мне, делятся, спорят и обсуждают здесь свои проблемы. Дочери мои, это не только ваши проблемы, это и мои проблемы, как президента...»

Пасмурное небо за окном, и такой контрастно-яркий по этой причине свет потолочных светильников в кабинете генерала Орлова и появившиеся на плечах офицеров кители, которых не было видно целое лето. Да, осень начинает потихоньку заявлять о себе морозящими дождями, стылými стенами кабинетов, в которых еще не включили отопление. Начало сентября часто напоминает людям, что это пусть теплый, пусть иногда и жаркий, но все равно – первый месяц осени.

В большом кабинете оживление. Началась планерка, и офицеры рассаживались за длинным столом для совещаний. Многие косились на полковника Крячко, который склонился к Гурову и что-то нашептывал ему. Гуров сегодня выглядел колоритно: красный нос, слезящиеся глаза и нахохлившийся вид.

– Так, товарищи офицеры, прошу рассаживаться, – недовольно постучал карандашом по столу генерал Орлов. – Что вы сегодня, в самом деле, несобранные какие!

Гуров, не глядя ни на кого, чихнул и попытался неслышно высморкаться. За столом сдержанно захихикали. Орлов некоторое время озабоченно смотрел на Гурова, потом стал нервно постукивать карандашом по столу.

– Так, и что мне с вами прикажете делать? – проворчал он. – Сегодня Крячко и Гуров должны были вылететь для проведения плановой проверки в Мурманскую область.

– Ага, – раздался сдавленный голос в ряду офицеров, – в Заполярье его. Они там замерзнут и перестанут беспокоить.

– Кто? – страшным голосом спросил второй голос.

– Козюльки в носу, – укоризненно ответил первый.

Гуров сделал вид, что улыбнулся, и только развел руками. Крячко, не поворачиваясь, показал за спиной зубоскалам кулак. Орлов вздохнул.

– Смотреть на тебя страшно, Лев Иванович, – заявил он наконец. – И чего ты пришел? Вызвал бы врача и отлежался бы. Инфекцию только распространяешь. Какая тут командировка? И с Крячко отправить мне больше некого, все расписаны, как подарки на елке!

– Я и один могу слетать, – попытался встать Крячко, но, повинувшись жесту начальника, снова сел. – Не в первый же раз плановая проверка. Честное слово, не из чего проблему делать.

– Ладно, решим, Станислав Васильевич. Не это главное. Так, ты, Лев Иванович, поднимайся и отправляйся домой лечиться. Мне нужен здоровый и работоспособный оперативный состав, а не калеки с красными носами, распространяющие вокруг себя инфекцию и ставящие под угрозу работу всего Главка.

– Не могу, товарищ генерал, – прогнусавил Гуров в носовой платок. – У меня через три часа лекция. Пока доеду до дома, пока обратно... Смысла нет.

– Что? Какая лекция! – возмутился, было, Орлов.

– Александр Евгеньевич очень просил, – напомнил Гуров. – С факультета подготовки оперативных сотрудников.

Орлов помнил. Уже три года Гуров читал в начале учебного года вступительную лекцию на оперативном факультете у первокурсников в Московском университете МВД России. Это было максимум, на что полковник Гуров согласился. Изначально ему предлагали войти в состав преподавателей-почасовиков и читать спецкурсы. Гуров отказался категорически. И без объяснений. Орлов был горд за старого друга, потому что такие предложения со стороны делают очень редко. Чаще по знакомству, по звонку сверху. А тут полковника из Главка, сыщика с гигантским опытом работы приглашают исключительно из-за его заслуг, из-за этого опыта.

Помнил Орлов, как попытался воздействовать на Льва Ивановича через Крячко, но старый друг Станислав сразу отказался ввязываться в эту бесполезную авантюру. Переубедить

Гурова – это бесполезно. Потом Орлов подумал, отринув свои личные амбиции и свое видение мира, и попытался представить себя на месте Гурова.

Для Льва переход, пусть частично, на преподавательскую работу был бы началом конца его жизни сыщика. Он – сыщик до мозга костей, это его религия, его философия, его мировоззрение. Уступив и отойдя пусть на полшага от всего этого, он переставал быть самим собой. И кем он начинал становиться? Лектором, учителем, назидателем.

Нет, Гуров прекрасно осознавал пользу учения, важность профессионализма в подготовке кадров, он ратовал за передачу опыта, даже за наставничество, но променять свой хлеб на хлеб человека за кафедрой не мог. Он умел делать свою работу, умел мыслить, анализировать, но рассказывать об этом... Он сразу переставал быть сыщиком. Это надо было понимать, а для этого знать Гурова так хорошо, как его знал Орлов или Крячко.

– Все я помню, но куда ты, черт тебя подери, пойдешь с таким носом и таким голосом? Позвони, объясни, пусть перенесут лекцию. Вот, тоже мне, проблема!

– Еще не хватало, чтобы обо мне стали говорить, что Гуров зазнался, корчит из себя великого, – принялся чихать и ворчать в носовой платок Лев Иванович.

– Конечно, – слышались снова голоса, – как же без Гурова будущих сыщиков учить?

– Это да! Это не учеба, а морока одна...

– Гиблое дело!

– Великий Гуру... то есть Гуров!

– А ну-ка! – Орлов грохнул рукой по столу, и голоса мгновенно замолкли. – Ишь, шутники! Вы вот сами сначала станьте «полковниками Гуровыми», а потом я на вас погляжу. Развлекаются.

– Так можно я останусь? – с самым невинным видом напомнил о себе Гуров.

– Иди в кабинет! И носа не высывай, пока время не подойдет, – велел Орлов. – Потом в университет, лекция и сразу домой. И чтобы лечился у меня! Мне работники нужны, а не...

Гуров поднялся, виновато разводя руками, но при этом лицо у него было не очень виноватое, что Орлову показалось подозрительным. Однако текущие дела не позволили долго задумываться об этом, и генерал начал-таки планерку.

Десятки глаз смотрели на полковника полиции, стоявшего за кафедрой в большой аудитории. И оттого, что полковник хмурился, постоянно доставал из кармана носовой платок и голос его звучал хрипло, он казался курсантам-первокурсникам чуть ли не патриархом, не монументом былой славы уголовного розыска.

Гуров, в свою очередь, оглядывал сидевших перед ним десятки парней и всего лишь нескольких девушек, и постепенно его голос зазвучал тверже, хрипота стала пропадать, даже насморк вроде поуменьшился. Так с ним бывало уже не раз. Не в том смысле, что каждый год он приходит на эти лекции простуженным, а в том, что перед этими мальчишками и девчонками, решившими посвятить себя оперативной работе в полиции, он проникался сознанием собственной ответственности.

Ведь его пригласили, ведь о нем говорили как о легенде российского сыска, значит, он должен найти такие слова, которые бы убедили курсантов либо в том, что они сделали правильный выбор, либо в том, что они зря пришли на этот факультет. Второе ему обычно не удавалось, судя по тому потоку вопросов, который сыпался в конце лекций.

И он рассказывал о том, что работа оперативника не самая спокойная и не самая романтическая, как считают многие. Это тяжелый труд, но результаты его видны сразу – либо ты, либо тебя! Не в смысле кто кого убьет, а кто кого переиграет, кто окажется умней в этой незримой схватке, где один старается остаться неизвестным, а второй пытается его вычислить.

Гуров рассказывал, что в полиции вообще и в уголовном розыске в частности очень многое зависит от слаженности работы, от товарищеского плеча, даже если ты этого коллегу из

совершенно другого отдела или управления видишь впервые. Надо остро ощущать, что вы делаете одно общее, большое и очень важное дело. Надо впитать вот с этой курсантской скамьи, что результат достигается лишь слаженной работой всего коллектива отделения, отдела, управления, да и МВД в целом. Коллектива, а не одного опера с пистолетом в тревожной ночи.

– Разрешите, – протянул руку крепкий парень в первом ряду, потом поднялся и чуть смущенно пригладил рукой лихой чуб. – Курсант Панкратов! Скажите, товарищ полковник, а что самое трудное в работе оперативника? Вы вот много говорили о профессионализме, о кропотливой работе, а что же, по-вашему, самое трудное?

– Самое трудное? – переспросил Гуров. – Пожалуй, самое трудное, общаясь ежедневно с мразью, с отбросами человеческого общества, сохранить чистоту в себе. Большинство оперов с этой проблемой справляются, остальные уходят. Или их увольняют.

– А где эта грань? – спросил другой курсант. Он тут же опомнился и вскочил с места. – Виноват, товарищ полковник! Курсант Игнатъев.

Гуров внимательно посмотрел на парня. Он физически ощущал, что этот первокурсник уже считает себя пригодным к оперативной работе, уже чувствует себя выше любого вора и бандита. Уверенность в себе – черта хорошая, пока она не перерастает в самоуверенность. Тогда контроль теряется.

– Скажите, Игнатъев, вы дрались когда-нибудь?

– Я? Ну... конечно, кто из пацанов не дрался?

– А теперь вспомните, – предложил Гуров, – драка, вы все ожесточены, кровь на кулаках, на лицах. Вам попадают кулаком в ухо. Не столько нокаутирующий удар, сколько болезненный, унижительный. И вы бьете, удачно попадаете противнику в челюсть. Он теряет ориентацию, вы впечатываете свой кулак ему в солнечное сплетение и следующим ударом в голову опрокидываете на землю. И?

Аудитория переводила взгляды с полковника на курсанта Игнатъева. Курсант молчал и, прищутив глаза, смотрел на Гурова.

– Ну, что же вы, курсант? Хорошо, я скажу для всех. – Гуров жестом разрешил ему сесть. – Для тех, кто бывал в такой ситуации и кому еще только предстоит. В такой драке, когда твой противник все-таки падает на землю, первое желание, которое охватывает тебя, – это ударить ногой. Бить и еще раз бить лежащего перед тобой противника. И вот тут проявится ваша зрелость, ваша духовная чистота. Пока вы дрались, стоя друг перед другом на ногах, вы были равны с противником, а когда сбили его с ног, вы уже оказались сильнее, фактически победили. И бить лежащего нет необходимости. Запомните эти мои слова, и пусть они придут вам в голову, когда вы будете допрашивать человека, зависящего от вас, когда к вам приведут слабого, испуганного. И уж тем более пусть они вам вспомнятся, когда преступник из-за угла огреет вас по спине, плюнет вам в лицо, а потом окажется перед вами в наручниках в отделе полиции. Не опускайтесь до мелочной мести, потому что грязь на рубашке, плевки на спине – это часть вашей работы. И вы должны уметь очищаться, отмываться, а не впитывать эту грязь...

28.08.2014. 00.50

«Галия бобо»

«Здравствуйте, домцлло! Вы писали, что раньше в нашей стране у жєницин не было возможности учитьсє. Я не представляю, как это могло быть, хотя верю, конечно. Просто я хочу поделиться радостью! Я поступила во ВГИК, сбьлась моя мечта. Вы верили в меня, домцлло, а я верила Вашим словам. Спасибо Вам!»

28.08. 2014

«Блог ведет президент республики»

«Дорогие мои юные друзья! Вот видите, какие приятные приходят сообщения. Простая девушка Галия, предки которой не могли даже мечтать о том, чтобы учиться в школе, поступила в московский вуз, она станет актрисой, она будет приносить людям радость, и никто уже не бросит в нее камень. Галия, доченька! От всей души поздравляю тебя с твоей новой победой! Надеюсь, ты поняла, что только упорство в достижении поставленной цели, только повседневный труд помогают человеку идти по жизни достойной дорогой.

А теперь мне хотелось бы рассказать о необычном событии, которое произойдет в столице в эти выходные. В рамках молодежной политики, проводимой правительством в последние годы...»

Генерал Орлов, пробиравшийся по второму ряду кресел к своему месту в зрительном зале, вдруг замер на месте. Гуров с самым невозмутимым видом, если не считать покрасневших глаз и зажатой в кулаке салфетки, смотрел на него и даже приветливо кивал головой. Сегодня в театре шла премьера. Первая в этом сезоне. А в следующий раз спектакль состоится лишь через два месяца, потому что труппа уезжала на гастроли в Нижний Новгород, где проходил театральный фестиваль.

– Что ты тут делаешь? – недовольно проворчал Орлов, усаживаясь рядом с Гуровым. – Мы с тобой о чем договаривались? Я тебя на эту чертову лекцию отпустил, я тебе велел лечь в постель и лечиться!

– Над моим телом ты властен, но не над душой, а театр – это полет души, это... – Гуров поднес платок к носу и осторожно высморкался.

– Ты как ребенок, – нахмурился генерал. – Даже не представляешь, какая мука иметь в подчиненных старых друзей. Причем недисциплинированных, нахальных, циничных, лживых...

– С признаками простуды, – продолжил Гуров, шмыгнув носом и глядя на Орлова с улыбкой. – Петр, ну, перестань. Что со мной будет от одного вечера? Всего пару часов. Это же премьера, Маше очень важно, чтобы я ее увидел. Ты же понимаешь! А если она решит, что я до такой степени болен, что не в состоянии прийти в театр, тут же категорически откажется ехать на гастроли. Ты этого добиваешься?

– Я добиваюсь того, чтобы мой лучший сотрудник побыстрее вылез из больницы и вышел на работу. И чтобы он, не дай бог, не получил никаких осложнений, перенося простуду на ногах.

– Петр, ты же знаешь Машу, – борясь с першением в горле, напомнил Гуров.

– Знаю, – безнадежно махнул Орлов рукой. – И тебя знаю, и Машу знаю. Вы ненормальная семья.

– Но ты нас все равно любишь, – толкнул Гуров друга локтем и полез в карман за новой салфеткой.

– Куда от вас денешься, – не сдержал улыбки генерал. – Но семья вы ненормальная по определению. Соединили же какие-то силы актрису и сыщика. Это же небо и земля. Высокодуховное существо, нервная ткань, дуновение ветерка, музыка эльфов – и грубый, черствый полковник, который постоянно занят лишь тем, что разгребает самые мерзкие проявления человеческой сущности.

– А ты поэт, – оценил Гуров и чихнул.

Свет под потолком стал постепенно гаснуть. Огромная люстра блекла и как будто таяла, бережно опуская на зрителей таинственный полумрак преддверия театрального действия. Гул голосов и шорохи затихли... Гуров, не удержавшись, чихнул, виновато втянув голову в плечи, и очень удивился, что никто на него не шикнул и не толкнул кулаком в спину.

Занавес открылся, и спектакль начался. Действие сменялось действием, замороженный зал тихо таял от удовольствия, а Гуров мысленно чертыхался. Он забыл на столе в кабинете вторую упаковку салфеток. И надо же было так нелепо попасть в глупейшую ситуацию. И носо-

вого платка в кармане нет, а он бы сейчас так пригодился. Не у Орлова же спрашивать! Петр просто желчью изойдет, когда услышит такую просьбу, подумал Гуров и снова чихнул.

– Возьмите же, – недовольно прошептал рядом женский голос, – возьмите!

Маленький кулачок толкнул его в локоть, настойчиво предлагая сложенный в несколько раз конвертиком платочек. Осторожно посмотрев на строгий профиль довольно симпатичной юной брюнетки, сыщик решил, что лучше послушаться и принять этот дар. Если бы он сейчас отправился продирается через весь ряд к выходу, Маша это непременно бы увидела со сцены и не преминула бы сделать определенные выводы: или мужа срочно вызвали на работу, что было весьма неприятно, обидно, но не смертельно, или ему вдруг стало плохо, и он не в состоянии досидеть до конца спектакля. Это вызвало бы у нее панику, и какая уж тут самозабвенная игра на сцене, когда...

Гуров протянул руку и принял платок. Девушка поджала губы и прошептала что-то, чего он не понял, но уловил, что это нечто не очень лестное в его адрес. Девушка, видимо, была завзятой театралкой, а может, и поклонницей Марии Строевой, еще большей, чем муж актрисы. Шептать благодарности было нелепо. Пытаться договориться о встрече, чтобы вернуть выстиранный платок, – тем более. Ладно, решил Гуров, дождусь антракта и поблагодарю. А заодно куплю в буфете упаковку салфеток.

Однако выполнить намеченное ему не удалось, потому что чернобровая соседка, как только начался антракт, сразу поднялась и направилась к проходу между рядами. Ничего не оставалось, как отправляться в буфет, а извинения оставить на окончание спектакля. Но, к большому удивлению Гурова, девушка почему-то после антракта не вернулась. Более того, до конца спектакля он ее так и не увидел. А потом они с Орловым отправились за кулисы поздравлять и прощаться. Через полтора часа отходил поезд, и артисты прямо из театра уезжали на вокзал. Лев, по настоянию Марии и под недовольным взглядом Орлова, поклялся тут же отправиться домой и лечь в постель. И не вставать три дня. Ни под каким предлогом.

Коттеджный поселок Озерки не был шумным местом, но и рано спать здесь не ложились. В «табели о рангах» пригородных поселков он находился примерно в четвертой категории. Если к первой категории относить чисто правительственные дачи, ко второй – Рублевку и аналогичные, считающиеся статусными для высшей деловой элиты поселки, то к третьей категории можно отнести те, в которых живут состоятельные люди, выбирающие место под загородный дом исключительно по экологическим критериям. Им все равно, что о них думают партнеры по бизнесу и конкуренты, им важнее чистый воздух и спокойные окрестности, чтобы проезжающие мимо не тыкали пальцем, перечисляя, чьи дворцы выстроились в ряд.

Четвертая категория по данной системе принадлежит тем, кто не владеет огромными состояниями. Это вполне приличные люди, имеющие либо собственное вполне преуспевающее дело, либо управленцы уровня топ-менеджмента. Здесь во главу угла ставятся не размеры строения и сложность архитектуры. Здесь придается значение жизненной комфортности и удобству возвращения в Москву не по забитым пригородным магистралям, а по второстепенным шоссе.

В десять вечера в Озерках на улицах уже почти не встретишь машин. Если только запоздалый гость или задержавшийся в Москве хозяин проедет неторопливо. Здесь, на берегах четырех небольших озер, среди сосновых рощ, все располагало к неспешной жизни. Чистый воздух, напоенный запахом хвои, гулкий перестук дятлов, отдающийся эхом в пронизанных солнечными лучами рощах. И по вечерам, когда заливаются иволги, щебечет по кустам пернатая мелюзга, а воздух как будто застыл вместе со звуками и запахами, тоже спешить не хочется. Хочется тихо катиться к своим воротам, наслаждаясь тишиной и покоем.

Черная «БМВ», ехавшая даже без включенных габаритных огней, свернула на Вторую линию. На тихих оборотах она миновала три дома, остановилась у четвертого, с высоким красным забором, и из нее высыпали люди в темных одеждах, которые тут же подбежали к воро-

там в кирпичном заборе и замерли, глядя на удаляющуюся машину и прислушиваясь к звукам на пустынной улице. Взмах рук, и вверх полетели веревки с тройными титановыми крюками. Два тренированных тела, быстро перебирая руками и ногами, мгновенно оказались наверху и так же быстро скрылись внутри двора дома. Третий человек, как кошка, взобрался на забор, подтянул веревки и спрыгнул на землю.

Небольшой дом, построенный в современном стиле в двух уровнях, располагался в глубине участка. Несколько уличных фонарей освещали вход и дорожку к дому. Вся остальная территория, обильно засаженная высоким декоративным кустарником и деревьями, терялась в темноте. Хорошо освещено было только отдельно стоящее строение, располагавшееся неподалеку от ворот. Небольшой домик, скорее флигель, был одноэтажным, выстроенным в том же стиле, что и основной дом. Сейчас в трех его окнах горел свет, слышалась музыка.

Двое незнакомцев неслышно приблизились к окнам, а фигура третьего мелькнула у стены основного дома. Через несколько минут он вернулся к своим товарищам и кивнул. Все трое переместились к входной двери. Убедившись, что она не заперта изнутри, первый потянул ее, приоткрыв настолько, чтобы можно было беспрепятственно проникнуть внутрь, и три темные фигуры скользнули в приоткрытую дверь. Раздался удивленный и испуганный женский вскрик, что-то упало, с жестяным грохотом покатилося по полу, еще один мужской возглас, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь музыкой, льющейся из динамиков телевизора. Потом чья-то рука выключила звук.

Белый «Фольксваген» свернул на Вторую линию и покатился, шурша резиной, по идеальному асфальтобетону. У дома с высоким красным забором иномарка плавно повернула капотом к воротам. Рука с брелком потянулась к лобовому стеклу, и ворота, дернувшись, послушно поползли в стороны. Тихое гудение электромотора, загоревшийся у ворот фонарь, все по-домашнему тихо, уютно, привычно.

«Фольксваген» плавно тронулся и въехал во двор, чуть притормозив напротив окон флигеля. Тот, кто был за рулем, чего-то ждал или был чем-то удивлен. И тут из дома раздался женский крик. Негромкий, но в нем было столько отчаяния, столько истощенного желания предупредить. Тут же откуда-то слева выскочила темная мужская фигура, тут же от удара распахнулась дверь домика, и на пороге появилась еще одна зловещая фигура.

Машина взревела мотором и резко сдала назад, выскакивая за ворота на улицу. Человек, который находился к машине ближе всего, вскинул руку на уровне глаз. Даже с расстояния в несколько метров и несмотря на темноту было понятно, что это оружие. Мотор машины снова взревел, колеса провернулись, оставляя сизый дымок под днищем и запах горелой резины в воздухе. Еще секунда, и она преодолела расстояние до угла следующего дома. Человек, выскочивший было следом из ворот, зло махнул рукой и выхватил из кармана черной куртки рацию: – Третий! Третий, я Первый! Белый «Фольксваген Поло» пошел на тебя. Работай!

Неприметный «уазик», прозванный в народе «буханка», стоял на перекрестке уже около получаса. Надпись «Электросети» и невзрачный, какой-то потертый внешний вид заставляли взгляды посторонних скользить по машине, не задерживаясь, слишком привычная картина для пригородов. Боковая дверь с характерным звуком отъехала в сторону, выпуская наружу человека. В опущенной вдоль тела руке он держал большой пистолет с толстым длинным стволом. Прислушавшись, человек сделал шаг к перекрестку, оттуда с левой стороны ехала машина.

Когда «Фольксваген» вылетел на перекресток, человек вышел навстречу и вскинул руку. За звуком мотора иномарки звуков выстрела слышно не было. Только несколько отверстий в лобовом стекле расцвели белыми ромашками, да машина, странно вильнув, вдруг резко свернула и врезалась в бетонный столб опоры электропередачи. Белый капот мгновенно сложился в гармошку, что-то под ним зашипело и запарило. В воздухе отчетливо запахло бензином. Чело-

век с пистолетом стоял не двигаясь, ему было хорошо видно безжизненно свалившееся набок тело в кабине и темные пятна на боковом стекле в том месте, где еще недавно была голова.

Выехавшая на перекресток черная «БМВ» притормозила, человек быстро сел на заднее сиденье, но машина не тронулась. Еще через миг вспыхнул бензин под вздыбленным капотом «Фольксвагена», и только после этого «БМВ» свернула на соседнюю улицу и скрылась. Громкие хлопки разбудили другие машины во дворах, и улица наполнилась разноголосыми звуками автомобильных сигнализаций. Отлетевший капот «Фольксвагена» как будто выпустил на свободу огненного джина, который плясал и торжествовал, облизывая белый столб и искалеченную переднюю часть машины.

В соседних домах зазвучали встревоженные голоса, зажигался свет. Кто-то из жильцов успел выскочить на улицу в наскоро накинутой одежде. Раздались крики. И в этот момент бензобак взорвался, осветив ночную улицу до самого неба...

Глава 2

Двое мужчин с лоджии современного отеля обозревали вечерний город. Один – типичной азиатской внешности, с иссушенным солнцем лицом, мутными подозрительными глазами и коричневыми пальцами рук. Высокий, худой и очень подвижный, он кипел энергией, даже на лоджии отеля не стоял спокойно, все время переступая с ноги на ногу и поворачивая голову из стороны в сторону.

Второй, вполне европейской внешности, с глубокими залысинами на лбу, смотрел на мир лениво и немного насмешливо. Наверное, такое выражение его глазам придавали очки в тонкой оправе. Он был немного полноват в талии и имел расслабленную осанку, склонную к тому, чтобы поискать стул, а лучше кресло, и усесться в него с возможными удобствами.

Эти два человека были совершенно не похожи друг на друга, хотя, видимо, их многое объединяло. И давно.

– Да, – задумчиво сказал человек в очках, посматривая вниз на широкий зеленый проспект. – Фергана уже не та, дорогой мой Нуралли. Зачем-то вырубili чинары. Исчез неуловимый колорит, который был присущ городу еще каких-то тридцать или сорок лет назад. Он был зеленее, и пусть не такой чистый, зато тут, говорят, пахло Востоком. А теперь?

– Вы бывали в Фергане в те годы? – с сомнением спросил Нуралли. – Сколько же вам лет, Грегор?

– Не надо ловить меня на слове, – засмеялся европеец. – И вообще давайте вернемся в номер. Тут все еще жарко.

Плотно прикрыв створки двери, европеец задвинул занавеску и уселся в кресло напротив невысокого столика, заставленного фруктами, бокалами и бутылками.

– Конечно, Нуралли, я тут в те годы не бывал. Но я всегда стремлюсь познакомиться с историей, культурой тех мест, куда судьба готовится меня забросить. И этот город, если мне не изменяет память, был заложен известным русским генералом Скобелевым, победителем Османа-паши на Балканах и умирителем ваших предков в Средней Азии.

– Здесь никогда не было моих предков, – вдруг недовольно ответил Нуралли. – Я не узбек. Если угодно, я – афганский таджик. Так, кажется, вы нас называете, по своей науке?

– А я, собственно, и не имел в виду это, – засмеялся Грегори. – Я имел в виду всю историю Востока, бактрийцев и согдийцев, которые создали на бескрайних просторах Азии непобедимое государство, не покорившееся даже Александру Великому. Но все меняется, к моему глубокому сожалению. Жернова истории перемололи и эти великие народы, превратив их лишь в придаток цивилизации. Что здесь, в Средней Азии, что на просторах некогда великого Афганистана. Собственно, тогда это все было Персией? Или я что-то путаю?

– Персия? Не знаю, что-то учил в школе. Меня это не интересует.

– Хотя припоминаю, – пропустив мимо ушей замечание своего собеседника, но внимательно наблюдая за его лицом, продолжил Грегори. – Кажется, марокканец Ибн Баттута писал в XIV веке: «Мы путешествовали по Кабулу, ранее огромному городу, на месте которого в настоящее время проживает племя персов, называющих себя афганцами».

– Там всегда жили пуштуны, – недовольно проворчал Нуралли. – И мне нет до них дела. Я живу своей жизнью, у меня своя цель.

– Бизнес, – кивнул американец. – Конечно. Я уважаю такую цель. Ты – представитель мощного клана в Афганистане, и наши цели совпадают. Не для этого ли мы с тобой встретились здесь, чтобы обсудить будущее нашего бизнеса?

– Да, и давай перейдем к делу, Грегори. Что ты хотел предложить?

– Видишь ли, Нуралли, не только ты теряешь караваны, деньги, но и я лишаюсь прибыли вместе с тобой. И мы будем терять деньги, пока ситуация в среднеазиатском регионе не

изменится. Ты же видишь, насколько тут неустойчиво положение, и мы пытаемся в последние десятилетия дестабилизировать положение еще больше. Мы добились того, что русские погранотряды в Таджикистане перестали наконец быть русскими. С русскими нельзя было договориться, а с таджиками зачастую мы находим общий язык.

– Но Россия все еще контролирует границу, правда, косвенно. Трафик ненадежен даже без их погранотрядов. Теперь Таджикистан вошел в члены созданной Россией ОДКБ. Они хотят восстановить военно-политический блок.

– Конечно, только не военно-политический, – широко улыбнулся Грегори. – Это неизбежно, что Россия начинает притягивать к себе союзников и скреплять этот союз экономическим цементом и военными обязательствами. Теперь именно России трудно будет предъявить претензии во вмешательстве во внутренние дела какого-то государства, если будут использоваться силы оперативного реагирования ОДКБ, а туда входят элитные подразделения нескольких стран. Но и это не самое страшное. Самое страшное, что Россия таким образом создает потенциальную бездолларовую зону. Еще немного, и они начнут предлагать своим нефтяным партнерам расчеты в евро, а затем и в рублях. А ведь рубль значительно укрепился, Нуралли. Они разрабатывают даже такую категорию внешних расчетов, как энергетический рубль.

– Я все больше и больше склоняюсь к мысли, дорогой Грегори, что вы отстаиваете интересы не своего бизнеса, а США.

– Бизнес, построенный на долларовой системе, неизбежно затрагивает интересы и страны, – неопределенно ответил Грегори. – К тому же я могу надеяться на поддержку американской армии, как ее гражданин. У нас там все тесно связано, Нуралли. И здесь тоже. Таджикистан, увы, вошел в члены ОДКБ, Узбекистан нам удалось удержать от такого шага. Он даже одно время благодаря нашим усилиям входил в состав созданного нами союза ГУАМ, куда вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. Мы концентрировали антироссийские силы, создавая южный блок дестабилизации. Но... Не все пошло так, как мы планировали. Россия все равно в той или иной степени влияет на деятельность «коридора».

– Вы предлагаете начать поход против России, которая мешает работе наркотрафика? – прямо спросил Нуралли.

– Я предлагаю совместными усилиями повлиять на ситуацию в Средней Азии, – дипломатично ответил Грегори. – Нам нужно по-прежнему удерживать Туркмению от активной политики, вывести из состава ОДКБ Таджикистан и вернуть Узбекистан в состав ГУАМ. Тем более что после проигрыша грузинской карты нам удалось разыграть другую в Украине.

– Не вижу связи. Трафик через Украину и так шел без проблем. Там все еще можно купить любого, особенно на западе страны.

– Россию нужно отвлечь от нашего бизнеса, – убежденно заговорил Грегори. – Им должно быть не до нас, Россия должна стоять на пороге политического коллапса.

Гуров лежал на диване, прикрытый пледом, и старательно тарасился в телевизор. Есть не хотелось, спать не хотелось, лежать, собственно, тоже не хотелось. Он поворочался и снова затих. Обещания надо выполнять, хотя дома Лев Иванович уже места себе не находил. Телевизор этот... Читать? В голову ничего не лезет. Наверное, привычка, условный рефлекс. Если разгар рабочей недели и рабочее время на часах, то ты должен быть на работе. А дома в эти дни и часы организм интуитивно чувствует некоторое неудобство.

Сегодня он выпил вторую таблетку хеомоцина и чувствовал себя значительно лучше. Насморк, правда, еще беспокоил, но тут уж ничего не поделаешь. Гуров хорошо помнил народную поговорку: «Если насморк лечить, он пройдет через семь дней, а если не лечить, то через неделю». У изголовья на стуле лежал выстиранный и тщательно выглаженный носовой платок, который в театре ему дала незнакомая девушка. Он снова взял его в руки. Интересная надпись «WTA Tour Tashkent Open 2012». Что за мероприятие? Вздохнул, протянул руку и нащупал

ноутбук. Через пару минут удалось найти в поисковике упоминание этой загадочной надписи на носовом платке.

«В минувшие выходные в столице Узбекистана стартовал престижный женский турнир по большому теннису «WTA Tour Tashkent Open 2012» с призовым фондом 220 000 \$, об этом журналистам сообщили в пресс-службе Федерации тенниса Узбекистана (ФТУ).

В этом году руководителем турнира «WTA Tashkent Open» назначена судья международной категории из Чехии Мартина Луткова.

По словам организаторов соревнований, любителей тенниса ожидает встреча со «звездами» этого вида спорта: Галиной Воскобоевой (Казахстан), сербкой Бояной Йовановски, россиянками Александрой Пановой и Ниной Братчиковой, Ольгой Говорцовой из Беларуси и другими не менее известными спортсменками. Узбекистан на соревнованиях представляют – Акгуль Аманмурадова, Нигина Абдураимова и Влада Экишбарова.

Напомним, что традиционный женский теннисный турнир «Tashkent Open» будет проходить с 8 по 15 сентября в Ташкенте на кортах Республиканской теннисной школы олимпийского резерва».

Ну вот и объяснение, только что оно дает? Теннисистка? Или просто была в Ташкенте в то время? Ну, была и была! Телефон завибрировал на стуле и провокационно пополз к краю, чтобы неизбежно упасть на пол. Может, Маша?

– Валяешься? – раздался в трубке суровый голос генерала Орлова. – Как самочувствие, болезный?

– Задолбался я валяться, – признался Гуров. – Это если честно и по-мужски. Как там у нас дела?

– Разнообразно, – проворчал Орлов и подозрительно замолчал.

– Что-то случилось или работа заела? Але?

– Что ты орешь? – скучным голосом спросил Орлов. – Я тут. Вообще-то я очень сильно «тут», у твоего подъезда. Решил вот навестить, проведать. Пустишь?

– Что за вопрос? – Гуров решительно отбросил плед и спустил ноги с дивана. – Поднимайся. Я сейчас чайку... Или, может, лучше...

Орлов вошел в квартиру, как всегда, сосредоточенный, собранный, немного даже угрюмый. Бросив на Гурова пристальный взгляд и убедившись, что старый друг приходит в норму и не собирается «откидывать копыта», пожал ему руку и прошел в гостиную.

– Я смотрю, тут типичный натюрморт, – обвел он рукой комнату. – Диванчик, телевизор, компьютер. Ну, ладно, как самочувствие?

– Ты уже спрашивал, – напомнил Гуров. – Еще по телефону. Если хочешь поговорить, то, может, и правда чайку попьем.

– Я бы с удовольствием и водки выпил, – бросив на него хмурый взгляд, ответил Орлов. – Но тебе нельзя, а один я еще не пью. Ладно, ты сядь. Я вот зачем пришел. Тут у нас одно дело образовалось. Неприятное. Я бы даже сказал, что очень неприятное.

– Слушай, Петр, – прервал Гуров начальника. – Я тебя знаю уже тысячу лет и изучил досконально. Когда ты вот так начинаешь рубить отдельными фразами и смотреть в пол или куда-то в пространство над моей головой, значит, ты в чем-то не уверен. А неуверенный генерал Орлов создает удручающее впечатление. Говори, раз пришел. Неужели ты думаешь, что я могу не понять, осудить или...

– Ну-ну-ну! – невесело рассмеялся Орлов. – Не все так плохо! Ишь, куда тебя понесло! Ладно, если коротко, то есть у нас под Москвой один коттеджный поселок, не последний по престижности, хотя и не Рублевка. Но живет там достаточно уважаемых и заслуженных людей.

И вчера ночью в этом поселке убили девушку. Застрелили, когда она ехала по одной из улочек. Машина врезалась в столб и загорелась. Местные выскочили, принялись тушить, когда взорвался бензобак. Пламя кое-как сбили с кабины, так что тело погибшей пострадало, но не сгорело вместе с машиной до состояния обугленного скелета. Да и бензина в баке было мало.

– Сурово у нас стали обходиться с девушками, – покачал головой Гуров. – Подозреваю, что причина весьма серьезная, а не просто месть за измену своему бойфренду.

– Я не знаю. Вообще-то заняться этим делом следовало органам по территориальной принадлежности, но в этом поселке живут родители одного высокого, очень высокого полицейского чина. А еще на этой же улице живет заслуженный пенсионер, который даже сейчас имеет привилегий больше, чем я на службе.

– На тебя надавили? – удивился Гуров. – А чего хотят? Ты-то тут при чем?

– Вот видишь, как плохо не интересоваться работой своего старого друга, – улыбнулся Орлов. – Ты даже не понимаешь, что моя должность предполагает ответственность за все криминальные происшествия в стране. Я, мой дорогой, должен в кратчайшие сроки выявить, а не из числа ли живущих в поселке организатор или исполнитель сего страшного дела. А также убедиться и оповестить заинтересованные стороны о том, что в дальнейшем в этом поселке ничего подобного не совершится, ибо все склонные будут выявлены и профилактически обработаны вплоть до выселения, желательно ближе к Берингову проливу.

– Чувствую здоровую иронию, – констатировал Гуров. – Рад за тебя.

– Спасибо. Только те, кто инициировал давление на меня, знают, что среди моих сотрудников есть такие легендарные личности, как полковник Гуров...

– Тьфу, – рассмеялся Лев Иванович, – с этого бы и начал. Труба зовет? Сейчас одеваюсь.

– Извини... – вздохнул Орлов, поднимаясь и подходя к окну. – Мне и перед тобой, а особенно перед Машей неудобно. Сам корчил начальственную рожу, велел с постели не вставать. А тут... Если она узнает, то не простит мне этого.

– Петр, перестань! Во-первых, Маша не узнает. А во-вторых, что со мной делается из-за одного раза? Ну, чуть не долежал в постели, ну, чуть раньше, чем следовало бы, вышел на работу. Что, в первый раз? А сколько раз с температурой под дождем по подвалам лазили, а сколько...

– Мы тогда были молодые и здоровые. И нам было море по колено.

– А теперь мы – взрослые, умудренные опытом сыщики, – серьезно ответил Лев, шмыгая носом и прыгая на одной ноге, пытаясь попасть в штанину, – закаленные службой. Так что не казни себя. Все нормально.

Гуров собрал группу в участковом пункте полиции поселка Озерки. Собственно, вся группа представляла собой местного участкового майора Спицына и оперуполномоченного уголовного розыска местного отдела полиции. Судя по тому, как эти двое офицеров общались между собой, знали они друг друга давно. Лев Иванович стоял в дверях и смотрел, как шевелились лопатки на обширной спине майора, наливавшего себе чай возле небольшого журнального столика, и как деликатно излагал ему невысокий бледнолицый молодой человек суть розыска мобильных телефонов и иных средств коммуникации.

– Добрый вечер, – сказал он, входя в кабинет.

– Здравия желаем! – подскочил со стула старший лейтенант.

Кабинет был пустой. То есть совсем пустой. Кроме одного офисного серого стола с небольшим рабочим креслом да маленького столика у окна с чайником и чашками, тут были вешалка-стойка у входа и два стула. Все! Ни шкафов с папками, ни сейфа. Такое ощущение, что кабинет большую часть времени пустует. А участковые, бывая в поселке, сюда даже не заходят.

– Полковник Гуров, – представился сыщик, морщась от саднящей боли в горле, и повернулся к высокому майору: – А вы, я так понимаю, местный участковый?

– Так точно. Майор Спицын.

– Оперуполномоченный уголовного розыска, старший лейтенант Котлов, – представился молодой человек, с интересом разглядывая полковника.

– Вы, товарищ майор, пить хотели, – кивнул Гуров на чашку с чаем. – Так пейте, я подожду.

Тот торопливо допил чай, а Лев, пройдясь по кабинету, решительно отодвинул второй приставной стул и уселся на нем сбоку от стола.

– Прошу садиться, – кивнул он офицерам, предлагая майору, как хозяину кабинета, сесть в кресло за столом. – Итак, я пока не могу сказать, в каком режиме будет работать наша группа, но, если понадобится, свяжусь с вашим начальством, и вас освободят от всех других дел. И давайте без церемоний. Нам с вами пахать и пахать по этому делу. Ко мне можете обращаться «Лев Иванович». Вас, товарищ майор, зовут, кажется, Василий Иванович, а вы...

– Сергей Владимирович, – вежливо представился Котлов и тут же поправился: – Сергей.

– Ну, вот и давай, Сергей, – кивнул Гуров. – Я просил, чтобы ты приехал с материалами с места происшествия и первыми данными, которые успели получить за сегодня.

– Так точно, – покраснев, машинально ответил Котлов. – Я вчера дежурил по отделению и выезжал на место убийства в составе оперативно-следственной группы. Машина врезалась капотом в бетонный столб, но загорелась она потом. Салон выгорел почти полностью, капот и крышка багажника были сорваны взрывами бензина, стекла разбились жители соседних домов, когда пытались потушить огонь в машине, и подъехавшие через пять минут пожарники. Вот фотографии, сделанные на месте происшествия уже нашим экспертом.

Котлов протянул несколько снимков и с интересом наблюдал за реакцией полковника. Зрелище представлялось ужасающим. Изуродованная машина, скособочившееся черное тело на остатках переднего сиденья. Причем видно, что затылочной части головы не хватает. На снимке, сделанном спереди, хорошо были видны три пулевые пробоины в лобовом стекле иномарки, как раз на уровне головы водителя.

– Тело подлежит опознанию или оно испорчено огнем до степени неузнаваемости? – спросил Гуров, возвращая снимки.

– Верхняя часть сильно обожжена, кожные покровы обуглены, мягкие ткани частично. Нижняя часть благодаря действиям жильцов окрестных домов и пожарников пострадала меньше. Ноги в основном целы. А голова, если вы обратили внимание, пострадала от попадания пули. Одна прошла мимо шейного отдела позвоночника и разорвала аорту, вторая попала в область левой глазницы, третья в лобную кость на границе волосяного покрова.

– Череп ей снесло напрочь, – кивнул Гуров. – Пули нашли?

– Да, две пули прошли навывлет, пробиты обшивку машины и упали на асфальт. Третья срикошетила от металла стойки и упала на заднее сиденье. Пули частично деформированы, но мы сразу предположили, что это пистолетная 9-миллиметровая пуля. Тем более что неподалеку, примерно на траектории движения машины, мы нашли три гильзы 9x18 мм ПМ.

– Что сказали эксперты? Или еще нет результатов?

– Есть. Пуля оболочечная, со свинцовым сердечником. Эксперты сразу сказали, что стреляли патроном 9x18 ПС гс ППО. Патрон правоохранительных органов. С 2005 года производится на Тульском патронном заводе, поступает на снабжение МВД, ФССП и ДОСААФ.

– Причина возгорания машины установлена?

– Есть предположение, что возгорание произошло из-за технического повреждения в результате удара, а не искусственно. Пожарный эксперт обратил наше внимание на источники, локализованные точно под капотом и под днищем в месте расположения бензобака. Сейчас

машину утащили на экспертизу и разбирают по винтикам. Результаты вскрытия тела еще не получены.

– Что показал подворный обход?

– Выстрелов никто не слышал, – пробасил майор, крутивший в руках карандаш. – Вот что интересно.

– Стреляли с глушителем?

– Возможно. Сила удара пуль для каких-то изделий пневматического характера слишком велика. Да и найденные гильзы косвенно подсказывают, что стреляли из пистолета. Если только кто-то не хочет ввести нас в заблуждение.

– Интересная мысль, – оценил Гуров мышление участкового.

– А еще есть основания полагать, что убийство умышленное и хорошо подготовленное. Недалеко от трассы на Москву в лесополосе обнаружен брошенный «уазик» с надписью «Электросети» на борту. Установили, что угнан вечером с местного 10-го участка электросетей.

– Смысл было убивать в поселке, если хорошо подготовлено, – возразил Котлов. – Ее убили бы в безлюдном месте, а в поселке столько способов нарваться на глазастого свидетеля. Тут не все так просто.

– И эта мысль хорошая, – кивнул Гуров. – Особенно если учесть, что таким образом убили не бизнесмена и не политика, а молодую девушку. Личность установили?

– Вот тут-то многое и упрощается, – тихо буркнул майор, продолжая крутить в руках карандаш.

– Погибшая Зайченко Людмила Валерьевна, 1988 года рождения. Девичья фамилия Логутная. К кому ехала и зачем, пока установить не удалось...

– Завтра-послезавтра установим, – прогудел участковый. – Поселок не очень большой. Опросим, кто видел такую машину, к кому приезжала...

– Послезавтра нас не устраивает, – проворчал Гуров и сделал пометку в блокноте. – Это я с вашим начальством решу. Завтра все силы на поселок и до вечера установить, к кому она могла ехать. Дальше, Сергей!

– Дальше интересно, как заметил Василий Иванович. Зайченко – вдова, три месяца назад погиб ее муж-бизнесмен. Может, помните крушение частного самолетика в Подмосковье? Так вот, это ее муж. Он купил легкий одномоторный самолет, учился на нем летать. Какой-то черт дернул его вылететь самовольно, без инструктора. Воткнулся в воду на мелководье. Смерть наступила мгновенно.

– Бизнесмен? Чем занимался?

– Я навел сегодня справки, может, не досконально, – виновато заметил оперативник. – Я ведь не знал, что дело поручат мне, отправился спать после дежурства, а когда вернулся, мне сказали, что буду заниматься я, и... про вас тоже. Вот что успел буквально за пару часов. Значит, Зайченко Валерий Геннадьевич, 1978 года рождения, индивидуальный предприниматель, номер свидетельства есть, все как положено. Занимался он, Лев Иванович, тем, что поставлял в коттеджи электросистемы типа «умный дом». И организовывал монтаж. Кроме этого, еще и стеклянные интерьеры. Кухонные фартуки у рабочей поверхности, стеклянные двери, столешницы и тому подобное. Говорят, богатые тащатся от этого. Там одна дверь стоит, как... в общем, дорого.

– Значит, бизнес прибыльный? – задумчиво спросил Гуров. – Но ИП – это вам не фирма, не ООО, в котором можно сменить учредителя и в котором зачастую несколько учредителей. Тут прямое наследование нужно. Значит, муж погиб по неосторожности, а жену убили? Не слишком ли откровенно? Займись, Сергей, этим ИП, разузнай, кто там у руля. А вы, Василий Иванович, завтра отвечаете за работу по поиску объекта, к которому Зайченко ехала.

– Если это Зайченко, – вставил майор.

– Некому опознать тело? – догадался Гуров.

– Да. Детей у нее не было, родители умерли давно. Образец ДНК взять не из чего.

– Хотя по номерам машины – это она, – напомнил Котлов. – «Фольксваген» оформлен на нее.

– Ладно, видно будет, – резюмировал Гуров. – Давайте мне городской адрес Зайченко. Я займусь ее местом жительства, соседями. Может, так удастся установить объект, к которому она ехала в ту ночь. Она хоть работала?

– Не установили пока, – виновато развел руками Котлов.

– Все, решили, – хлопнул Гуров по колену ладонью. – Завтра в девять вечера встречаемся здесь с результатами и планируем следующий день. Сергей, ты мне сейчас покажешь место гибели девушки.

Гуров въехал на Балаклавский проспект, когда на часах не было еще четырех. С одной стороны, рановато для поквартирного обхода, а именно этим Гуров и собирался заняться, но, с другой стороны, в элитных домах живут не те, кто с утра до вечера пашет на трех работах. Нет, конечно, глава семейства, как правило, мужчина, пашет. Зачастую чуть ли не сутками, как того требует бизнес, а вот вторая и последующие половинки так же часто сидят дома или имеют необременительное занятие. Гуров усмехнулся придуманной фразе «третья половинка». А еще в таких семьях бывают няни, приходящие горничные или самые настоящие домработницы. И эти люди тоже знают о хозяевах очень много. Так что время суток особого значения не имеет.

Охранник у маленького шлагбаума, видимо, не знал полицейских номеров и только вопросительно дергал головой из своей будки. Избалован паренек, снисходительно подумал Гуров. Сыщик приехал на «Опеле Астра» – служебной машине их управления, не имевшей, естественно, опознавательных знаков принадлежности к полиции. Для охраны элитного дома «Опель Астра», видимо, недостаточно крутая иномарка.

В воспитательных целях он решил немного поучить молодого сотрудника охраны сообразительности. Надавив как следует на сигнал, распахнул дверцу и, не вылезая из машины, призывно помахал рукой. Парню в черной униформе какого-то частного охранного предприятия не оставалось ничего другого, как подняться с мягкого кресла и выйти наружу. Но и в этой ситуации он умудрился продемонстрировать свое превосходство и власть над иными смертными, кроме жильцов этого дома.

Подтянув штаны, поправив на ремне полицейскую дубинку и кармашек с баллончиком слезоточивого газа, охранник неторопливо направился к машине непонятливого посетителя. Гуров терпеливо ждал.

– Въезд на территорию разрешен только жильцам этого дома, – ленивым голосом извещил охранник, но тут к его носу приблизили красную книжечку, и он неуверенно заморгал глазами.

– Давай-ка, дружок, открывай свой шлагбаум, а то снаружи припарковаться абсолютно негде, – зловещим голосом приказал Гуров. – И вызови мне сюда срочно коменданта.

Охранник только что не козырнул в ответ и уже рысью бросился к своей будке. Шлагбаум дернулся и лихо задрал свое полосатое тело с красным наконечником. Гуров въехал и свернул к первому же подъезду в парковочный карман. Пока появится комендант, вполне можно успеть побеседовать и с этим парнем. Он вернулся к шлагбауму, встал на пороге будки, опершись плечом о стену, и многозначительно спросил:

– Ну, что?

– Здесь. Он на территории. С боковой стороны привезли рулонный газон, сейчас стелют, вот он с ними и... Сейчас идет.

– Молодец. Оперативно. Ты сам-то тут давно работаешь?

– Второй год, а что? Что-то случилось?

– Случилось. У меня к тебе несколько вопросов, но учти, язык держать за зубами, а то лишишься своей лицензии. Понял меня? Ну и отлично. Тем более что мы с тобой одно дело делаем – охраняем покой граждан. Скажи, ты хорошо знаешь машину Людмилы Зайченко из 37-й квартиры? Молодая такая особа...

– Да, у нее белый «Фольксваген». Номер... – охранник поднял глаза к списку, висевшему сбоку возле окна, – номер л 645лв. Она еще шутила, что «лв» – это Людмила Валерьевна. Прикольная деваха, только у нее муж недавно погиб – на самолете разбился.

– А чем она прикольная? – вскинул Гуров брови.

– Да шутит всегда, прикалывается. Она еще про свой номер что-то говорила. Мол, первая «л» – это любовь, а цифры означают, что она шесть раз замуж выйдет до сорока пяти лет. Дошутилась!

– Ты еще не все знаешь. Вчера ночью ее застрелили прямо в машине.

Охранник был так ошарашен, что непроизвольно вскочил на ноги и уставился на полковника из МВД так, будто тот стоял с направленным на него пистолетом.

– Че, в натуре? – пробормотал парень, но тут же спохватился: – Правда? Вот это да! И муж, и теперь она. Это за что же?

– Вот мы и выясняем, дружок. Теперь скажи, ты что-нибудь слышал или, может, сам видел какие-то конфликты, кто-то приезжал к ним. Разговоры какие-то были, где упоминалось об угрозах, опасности и тому подобном.

– Я понял, товарищ полковник, – кивнул охранник и задумчиво стал смотреть через окно своей будки вдаль. – Жалко... девка красивая была. Это значит, бизнес их кто-то к рукам прибрать хотел, что ли? Вот дела!

– Вспоминай, вспоминай, – перебил его Гуров.

– Да я вспоминаю, товарищ полковник. Только что-то ничего такого не вспоминается. Нормальная семья, хотя мы-то откуда знаем, что у них дома творилось. А так, он всегда серьезный, она веселая, шутила все. Правда, когда муж погиб у нее, то да, она, конечно, изменилась. До сих пор сама не своя. Да и уезжала она из дома редко. Не каждый день. Из салона к ней приезжали... у нее свой салон красоты был. Бухгалтер к ней приезжала пару раз, еще кто-то по рекламе, она пропустить разрешила. Может, кто-то и не в мою смену приезжал, не знаю.

Невысокий молодой мужчина с реденькими волосами на темени и распахнутой до самого живота рубашке деловито шествовал через двор. Пнув ногой какую-то щепку, он тут же подхватил ее и бросил в урну. Потом ему попала половинка силикатного кирпича, он отнес его к забору и выбросил на чужую территорию. Хозяин!

Когда комендант приблизился, Гуров понял, что этот человек только издалека выглядел молодо. На самом деле ему было, наверное, уже за сорок. Тело подтянутое, спортивное, хотя и не накачанное. Возраст выдавали морщинки возле уголков глаз да складки возле рта.

– Кто меня ищет? – осведомился комендант хорошо поставленным голосом бывшего тренера. – Вы?

– Да. – Лев Иванович достал удостоверение и показал мужчине. – Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска МВД России. А вы...

– Стас Ревякин, – кивнул головой мужчина. – Я тут комендант вроде. Или управляющий. Или завхоз, как считать.

– Где мы можем с вами поговорить? У вас есть тут какое-нибудь подсобное помещение?

– Ну откуда! Элитный дом, тут каждый метр на счету, все, что модно, в аренду сдано или продано. Единственное помещение, мне подвластное, – кладовка уборочного инвентаря. Да и зачем мне тут офис, мое дело следить...

– Ладно, я понял. – Гуров кивнул на свою машину: – Пойдемте сядем, не стоя же разговаривать.

Ревякин послушно двинулся к машине, попутно бросая придирчивые взгляды то на стены дома, то на окна магазина в цокольном этаже, то на ступени крайнего подъезда. Гуров уселся за руль и повернулся так, чтобы удобнее было разговаривать, видя лицо и глаза собеседника.

– Скажите, Станислав, вы сколько уже работаете... э-э, по обслуживанию этого дома?

– Да как построили, так и работаю. Только я не на один дом, у меня их два. Вон тот тоже мой. В смысле, в моем хозяйстве. Застройщик их не передает ни в какое ТСЖ, сам занимается эксплуатацией. А я вроде как от него тут. Если какому ТСЖ сейчас эти дома отдай, то сразу хана территории и домовым коммуникациям. Халтурщики! Им лишь бы деньги получать с жильцов. А наши платят немало, по общегородским меркам.

– Станислав, я вас понял и должность вашу тоже, – перебил Гуров делового мужчину, который, видимо, ни о чем, кроме своего хозяйства, и говорить не может. Наверное, такой тут и нужен. Да и для Гурова он как раз подходит, если его осведомленность о жильцах так же высока, как и о внутридомовых коммуникациях. – Скажите, вы всех жильцов этого дома знаете?

– Да, практически, – не задумываясь, ответил комендант. – Тех, кто с самого начала живет, получше знаю, а кто недавно въехал, тех...

– Вы семью Зайченко из тридцать седьмой квартиры хорошо знаете?

– Опа! – мгновенно прищурился Станислав, и Гуров тут же понял, что парень, видимо, сидел. – Так вот, да? Значит, не просто так самолетики падают... Жалко, хорошая баба Людка! Такое на нее свалилось.

Гуров на этот раз воздержался от комментариев и не стал перебивать собеседника. Что-то там Станиславу стало понятно, вот пусть и разовьет свою мысль без дополнительных навязывающих вопросов.

– Я почему-то так и думал, что с Валеркой все непросто. И на хрена ему без инструктора в самолет лезть? Бизнес – дело такое, там завистников много, глаз да глаз нужен. А он расслабился. Так что вы хотели у меня-то узнать? Семья хорошая была у Зайченко. Доход, сами понимаете, уже по дому понятно, в котором живут. Да и купить самолет – это вам не машину приобрести. А вообще они люди приличные были. Здоровались всегда, без этого... как некоторые относятся. Раз ты тут типа комендант, то давай относиться к тебе, как к... как к...

Мысль явно покинула эту ясную голову. Или заблудилась в буреломе подобных ей внутри черепной коробки. В любом случае придется теперь выводить коменданта из состояния словесного ступора.

– Понятно, – резюмировал сыщик. – Вы слышали о каких-то неприятностях у Валерия Зайченко на работе, может, трудности какие-то были, ссоры с компаньонами, угрозы конкурентов?

– Если честно, то нет. Да и не со мной ему такие вещи обсуждать. Привет – привет, вот и все разговоры. Я же почему про них так говорю. Со стороны всегда видно, как оно в семье у людей. Кто хорошо живет, кто как сыч, кто с женой постоянно лается. Или вообще каждый своей жизнью живет. А тут все ровно.

– А может, они просто виду не показывали. Привычка есть у людей – не выносить сор из избы.

– Ну-у, – уверенно заявил Станислав. – Это, конечно, да. Только тут...

Предвидя новый словесный ступор, Гуров поспешил на помощь коменданту. Судя по всему, он и в самом деле мало чего знал, рассчитывая лишь на свое понимание человеческой натуры. Но и такие люди бывают полезны, поскольку привыкли хоть и ложно, но трактовать свои жизненные наблюдения.

– Значит, Зайченко были людьми необщительными? – спросил сыщик.

– Нет, почему? – возразил комендант и замер, хлопая на полковника глазами.

Пауза затянулась, а Гуров никак не мог понять, сколько глубокого смысла Станислав вложил в свой вопрос и какого ответа ожидал. Еще минут пятнадцать расспросов убедили сыщика, что комендант толком о жизни жильцов своих домов ничего не знает. О гибели Людмилы Зайченко он тоже ничего не знал. Слишком красноречива была его реакция на эту новость. Оставалось перейти к опросу соседей.

Но и тут Гурова ждало разочарование. Большая часть соседей подъезда даже не знали, кто живет в 37-й квартире, не то что их имена, фамилии или род занятий. Только соседка сверху, проживавшая в 41-й квартире, оказалась не просто знакомой Людмилы, но и считала себя ее подругой.

Женщина лет тридцати с небольшим, худощавая, ухоженная, она даже имела какие-то утонченные манеры, что навело Гурова на мысль об актерской профессии или актерском образовании. Оказалось, что Екатерина Лючаева, как представилась женщина, окончила в свое время консерваторию по классу вокала. Этим и объяснялось ее умение держаться на людях.

Гуров не стал ходить вокруг да около. Он извинился за визит и сразу изложил его причину. Людмила Зайченко вчера ночью была убита в поселке Озерки.

– Вы знаете, Лев Иванович, – оправившись наконец от удара и удержавшись от слез, произнесла женщина. – Ведь Люда, по сути, была одинокой.

– Как это? У меня сложилось впечатление, что они с мужем жили душа в душу.

– Откуда у вас такое впечатление? – тихо спросила Лючаева. – От коменданта, от этого Стасика? Или от коллег по работе ее покойного мужа? Да и у нее в салоне все, наверное, думали, что она живет припеваючи. Конечно, муж – бизнесмен, великолепная квартира в престижном доме, у каждого своя машина. И ей он бизнес купил. Но это ведь ширма, Лев Иванович.

– А на самом деле?

– На самом деле, когда прошли первые годы эйфории от престижного замужества, началась тоска. Я это вам говорю не потому, что знала Люду столько лет. Это ее мысли, ее чувства, которыми она со мной делилась. Чем-то я ей нравилась, из-за чего-то ее ко мне тянуло. Может...

– Я догадываюсь, какую причину вы хотели назвать, – улыбнулся Гуров. – И мне почему-то кажется, что вы недалеки от истины. И что же она вам поведала?

– О своей жизни, – грустно ответила Лючаева. – Валеру она, безусловно, любила. Но, как бы это вам сказать... Можно любить свою первую машину, потому что она первая, это сбывшаяся наконец мечта. Но вокруг-то много других. Красивее, престижнее, дороже. Нет, не думайте, что она Валере изменяла или что ей не хватало денег, престижа. Это я просто для сравнения чисто эмоционального. Их брак не имел духовного развития. Знаете, как бывает, чем дольше люди живут вместе, тем ближе становятся, тем в большей степени не могут друг без друга. А тут все стало по-другому.

Из рассказа Лючаевой Гуров понял, что Людмила Зайченко тяготилась не столько мужем, сколько его равнодушием к ней. Добился мужик руки красивой девочки и успокоился. Вроде уже ничего добиваться не нужно и ничего доказывать не нужно. Все свое, все дома, все в порядке. И стал пропадать на работе, стал меньше уделять жене внимания, перестал дарить цветы и доставлять приятные маленькие радости.

И на этой почве они стали отдаляться. Людмила продолжала делать вид, что она счастливая жена, что увлечена своей игрушкой – салонным бизнесом, который ей купил муж, как теперь стало понятно, чтобы она не мешала ему работать. А признаваться в том, что счастье уходит куда-то между пальцев, как песок, никому не хочется. Потому что все вокруг завидуют, все считают, что она выиграла в жизни. Иногда очень зло завидовали, вот и пропало желание иметь подруг и плакаться кому-то в жилетку. А тут соседка этажом выше. Симпатичная, взрослая, умеющая слушать, все понимающая, с обаятельной, почти материнской улыбкой и в то

же время по возрасту вполне подходящая для подруги. Вот она и стала заходить к Екатерине, рассказывать о своей жизни.

– А как Люда перенесла гибель мужа?

Глава 3

Ну, что же, размышлял Гуров, вполне возможно, что Зайченко были людьми скрытными, и никто даже не подозревал о серьезных проблемах этой семьи, о том, что им кто-то угрожает, чего-то требует. Впрочем, не знала и полиция, а не только соседи. Может такое быть? Вполне, только образ самой Людмилы не вписывался в эту концепцию. С одной стороны, она выставила напоказ свой оптимизм, с другой – плакалась соседке в жилетку, жалуясь на отдаление мужа. Но о проблемах в бизнесе она же не рассказывала!

Во всем этом была какая-то натяжка, Гуров ощущал ее нутром. Жизненный опыт, оперативный опыт, все говорило, что скрытные люди не бывают очень общительными. Они могут быть на людях веселыми, могут петь и танцевать на вечеринках с друзьями, но при этом они скрытные, будут отрываться общими фразами и улыбаться вам в лицо каменной улыбкой истукана с острова Рапа-Нуи. В душу пускают только частично. Вот и Людмила про свою жизнь рассказывала, а про проблемы в бизнесе нет.

Звонок телефона заставил Гурова вздрогнуть. Он протянул руку, стараясь не выпускать из поля зрения дорогу, и взял с соседнего сиденья телефон. Звонил Котлов.

– Да, Сергей. Что-то важное?

– Я добыл информацию о гибели Валерия Зайченко. Вы просили срочно доложить.

– Ладно, секунду, я только найду место, где припарковаться.

Судя по описанию Лючаевой, салон красоты, которым владела Зайченко, находился где-то совсем рядом, но не на проспекте. Гуров свернул во дворы сразу за рестораном «Бавария», как ему и описывала женщина. Ладно, салон подождет.

– Давай, Сергей, что у тебя там?

– У меня дело о гибели Валерия Зайченко. Какой-то волшебник открыл мне двери следственного управления и сделал лица местных служителей весьма любезными.

– Дослужишься до полковника, и твои просьбы начнут удовлетворять с любезностью. Не отвлекайся.

– Хорошо, Лев Иванович. Я, прежде чем вам звонить, все перечитал тут внимательно, поэтому перейду сразу к выводам. Причиной падения самолета и гибели пилота не могла послужить техническая неисправность машины. Самолет, марки такой-то, номера такие-то, находился на обслуживании в техническом центре аэроклуба и на момент вылета был в исправном состоянии, пригодном для эксплуатации.

– Я понял, самолет не виноват. И никто тормозного шланга не перерезал.

– Что, какого шланга?

– Не отвлекайся, Сергей, я просто так сказал. По аналогии с имитацией аварии автомашин, когда портят тормоза человеку, которого хотят убить. Что еще есть?

– Есть заключение технической экспертизы на двенадцати листах, но выводы я вам передал. Наверное, смысла нет зачитывать. Вот мнение инструктора, который обучал Зайченко. Лицензия инструкторская у него в порядке, летный стаж – двадцать два года, налет на самолетах данного типа – тысяча двести часов. Аварий и гибели курсантов, как сами понимаете, не было, иначе бы его лишили...

– Что говорит инструктор? Его мнение? И не врет ли, пытаюсь выгородить себя?

– Думаю, не врет, я два раза перечитывал его показания. Если коротко, то Зайченко пилотировал самолет вполне уверенно для своего налета, но к самостоятельным вылетам допущен еще не был. Официально не был, хотя курс обучения прошел полностью. Заминка была лишь в оформлении документов. Из слабых мест в манере пилотирования инструктор указал недостаточность отработки методов вывода самолета из «сваливания». Я так понял, самолетик чувствительный, что хорошо для маневрирования, для высшего пилотажа. Но для начи-

нающего пилота это опасно, потому, что чуть потерял контроль за углом атаки и скоростью, самолет сразу реагирует, и простым добавлением оборотов двигателя его из «сваливания» не вывести. Судя по тому, что на малой высоте самолет у Зайченко «клюнул» и врезался в реку, инструктор не врет. Он именно воткнулся носом.

– А Зайченко что, не отличался дисциплинированностью?

– Вот! – обрадовался Котлов. – Следователь тот же самый вопрос ему задал. Не отличался. Не разгильдяй, но склонности к преждевременной лихости у него были. Вопрос в другом! Какой дурак его выпустил в воздух? Но тут начинается путаница. С одной стороны, свидетели показывают, что день был нелетный, и диспетчер на месте отсутствовал. С другой – диспетчер якобы орал на Зайченко, чтобы тот не смел взлетать. Короче, диспетчер по уголовному делу проходит как свидетель.

– Отказной?

– Да, в возбуждении уголовного дела отказано по статье... по статье... сейчас найду.

– Неважно, они там свое дело знают. Значит, ты уверен, что никакого покушения, что никто Зайченко таким способом убить не хотел?

– Процентом на девяносто, Лев Иванович. Если только кто-то не заплатил экспертам, обследовавшим самолет после аварии. А вообще-то у нас нет оснований полагать, что после смерти Зайченко кто-то пытался завладеть его бизнесом. Мотива-то нет.

– А жена? – усмехнулся Гуров. – Жену ты сбрасываешь со счетов?

– Так она же...

– Она же, Сережа, убита спустя три месяца. И не тот ли ее убрал, кто надоумил с мужем разделаться, а потом вместе всем владеть и нежиться в счастье и неге.

– У вас есть основания полагать, что у нее был любовник?

– У меня есть основания полагать, Сергей, что любовь в их семье постепенно улетучилась. А в такой ситуации возможно любое развитие событий. И если бы Людмила хотя бы погибла в результате несчастного случая, я бы еще сомневался. Но тут налицо убийство. Наглое, циничное. И необязательно целью мог быть захват семейного бизнеса. Могла быть элементарная месть. Не думал об этом?

– Думал, Лев Иванович. Сомнения у меня иного рода. Если уж начали выбивать семью по одной схеме, зачем ее менять на жене? В обоих бы случаях сработали чисто, никто бы не заподозрил. А они засветились со стрельбой в ночном поселке.

– Назвать тебе навскидку одну причину из сотен, чтобы ты сразу перестал сомневаться? – спросил Гуров. – Например, Людмила узнала о том, что муж не погиб в результате несчастного случая, а был убит хитроумным способом, к тому же смерть грозит и ей самой. Получила улики и спешила как раз сообщить об этом в полицию. Что оставалось делать преступникам в такой ситуации? Только экстренно принимать меры. Первым же подвернувшимся под руку способом. Они, может, даже ее машину не смогли остановить, поэтому и стреляли на ходу. А может, она и на контакт не шла, лишь угрожала, что передаст улики в органы внутренних дел. Как тебе версия?

– Убедительно, Лев Иванович. Согласен, причин убивать их обоих могло быть много. Наводить справки об инструкторе, диспетчере, механике технического центра, который обслуживал самолет?

– Пока нет. Не будем тратить время, думаю, это пустое направление. Следователь ведь уже отработал вариант с техническим центром и не нашел никаких зацепок. Занимайся пока цепочкой от киллера. Оружие, патроны. Готовь к вечеру версии.

Салон красоты с названием «Зазеркалье» Гуров увидел сразу благодаря броской вывеске. Звякнул колокольчик над головой, и он оказался в прохладном, напоенном запахом косметики помещении. Большой мягкий диван у одной стены, две стойки-вешалки у другой. Напротив дивана большое, в рост человека, зеркало. Чуть дальше стойка администратора, откуда на

вошедшего мужчину смотрели удивленные серые глаза. А над глазами буйствовал пучок волос, перевязанный цветной резинкой с разноцветными шариками.

– Могу вам чем-то помочь? – прозвенел колокольчиком голосок из-за стойки.

– Можете, – согласился Гуров, подходя ближе. – Кто у вас тут главный и могу ли я его... ее видеть?

– А вы, простите, откуда? – заволновался звонкий голосок под хохолком. – То есть вы из какой организации?

– Из полиции, – широко улыбнулся Гуров, облокотившись на стойку, и показал «корочку» своего служебного удостоверения.

Создание со звонким голоском как ветром выдуло из-за стойки. Мелькнули короткая черная юбка, бледные голенастые ноги, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуком работающего где-то рядом фена, да тихой музыки, доносившейся из-за стойки. Наверное, из наушников плеера.

– Здравствуйте, – очень вежливо поздоровалась молодая полненькая женщина с профессиональным макияжем на лице. Это Гуров оценил со знанием дела. – Меня зовут Марина, я управляющая салоном. Чем могу помочь?

– Гуров, Лев Иванович. Мне нужно с вами поговорить. Желательно не здесь, а в вашем кабинете.

После общения с комендантом жилых домов Гуров счел это замечание нелишним. Не в машину же эту дамочку вести для беседы.

Вежливо изобразив приглашение, дама провела визитера в глубь помещения, открыла перед ним дверь в небольшую комнату с окном, выходящим в тенистый дворик дома. В этой комнате, в ее бытность квартирой, располагалась, скорее всего, кухня. Вон и газовая труба на месте. Плиту только убрали, и квадратное отверстие вытяжки под потолком.

– Так, Марина. – Усаживаясь на предложенный стул и отказавшись от кофе или чая, Гуров перешел сразу к делу. – Давайте условимся с вами. Я вам непременно объясню причину моего визита и отвечу на все ваши вопросы, но сначала задам свои. Хорошо?

– Пожалуйста. Что вас интересует? – Женщина посмотрела на гостя широко распахнутыми глазами и красиво сложила на столе руки. Довольно ухоженные, надо сказать.

– Скажите, вы давно работаете с Зайченко?

– С момента основания салона. Собственно, я работала и у прежнего хозяина, но он продал бизнес и уехал в Бельгию. Салон вместе с помещением и оборудованием купил Зайченко. Ну, и предложил мне остаться управляющей. Все-таки я знаю этот бизнес, знаю персонал, который не было смысла менять, потому что наработана хорошая клиентская база.

Гуров слушал, а сам мысленно делал себе зарубку на память. Вот и очередная новость. А салон-то, оказывается, был в собственности мужа Людмилы, а не ее самой. Так что у Людмилы, видимо, вообще ничего не было. Сейчас начни разбираться, и квартира приватизирована лишь на мужа, и машину он ей не подарил, а лишь дал использовать. А оформлена она тоже на него. Не тут ли причина? Надо проверить всю собственность семьи. А еще – прошлую жизнь Валерия Зайченко. Не будет удивлением, если неожиданно найдется внебрачный сын или дочь и их мамаша с претензиями. А тут, какое совпадение, все умерли!

Однако пришло время раскрывать карты. Одна категория вопросов иссякла, а вторую лучше задавать в контексте последних событий. И Гурову пришлось признаваться, что Людмила погибла. Реакция управляющей была довольно сдержанной, но это всего лишь видимость, молодая женщина, наверное, благодаря своей профессии научилась превосходно владеть собой. Гуров увидел, как глаза Марины стали влажными, как дрогнули губы, как она побледнела, но выражение лица практически не изменилось.

Пауза длилась недолго. Женщина издала странный звук, как будто попыталась проглотить комок, вставший в горле, и заговорила:

– Мне все время казалось, что продажа салона и выезд бывшего его хозяина за границу – это как конец жизни...

Гуров насторожился. Неужели он сейчас услышит что-то, что послужит ключиком, открывающим эту страшную тайну погибшей семьи?

– Да? И почему же?

– Не знаю, может, интуиция, – покачала головой Марина, мужественно сдерживая готовые навернуться на глаза слезы. – Наверное, потому, что я при прежнем владельце работала, можно сказать, в комфортных условиях. Сама подбирала персонал, сама решала вопросы с обучением, с продвижением салона, лишь согласовывая затраты на будущий год. А с Зайченко так не получалось. Они, не зная этого бизнеса, вмешивались, отдавали непродуманные приказы, не слушали моих рекомендаций. За первый год владения ими салоном выручка в нем упала вдвое. Меня тогда чуть не уволили, говоря в глаза, что не понимают, за что прежний хозяин держал такую управляющую.

– И почему же вы остались? С вашим-то опытом, вас в любом салоне, как говорится, с руками и ногами оторвут.

– Девчонок стало жалко, – кивнула она в сторону зала. – Они без меня отсюда разбежались бы все, а им так комфортно вместе, я создала такой хороший коллектив. Да и отношение к салону вовремя изменилось. Правда, в странной форме все это произошло. Валерий психанул и сказал Людмиле: «Занимайся сама как хочешь! Чтоб я еще полез в это бабье болото!»

– И перестал лезть?

– По крайней мере, я с ним уже не общалась, а что он дома Людмиле говорил, этого я не знаю. А Людмила стала хоть немножко вникать, вопросы задавать. С ней я хоть как-то научилась общий язык находить. И выручка постепенно снова поползла вверх. Так вот и проработали несколько лет. А в этом году... удар за ударом.

– Скажите, Марина, вы знаете друзей Людмилы, с кем она больше всего общалась, кто ей звонил?

– Представления не имею, – пожала плечами управляющая, и Гуров решил, что она говорит правду. – Она со мной свою личную жизнь никогда не обсуждала, в салоне подолгу не задерживалась, даже своего стола у нее тут не было. А когда надо было звонить, она выходила с мобильником на улицу. Да и к ней сюда никто не приходил. Даже поставщики средств и те общались со мной, а не с ней.

– Жаль. Я думал, что вы могли знать, к кому Людмила могла поехать в поселок Озерки так поздно вечером.

– Вообще-то знаю, – неожиданно ответила Марина. – Точно или нет, но к кому могла поехать, могу предположить. У нее там подруга или старая знакомая живет. Она по телефону называла ее Оксаной. Эта Оксана намеревалась открыть в Озерках салон красоты премиум-класса. Людмила ей согласилась помочь в этом. Помощь от нее, конечно, не ахти какая, не так уж много азов она постигла. Но та Оксана, как я поняла, совсем ноль в этом деле.

– Фамилию знаете?

– Нет. Только то, что ее зовут Оксаной, и все.

– И последний вопрос, Марина, но самый сложный. Как вы думаете, кому и зачем понадобилось убивать Людмилу Зайченко?

– Не знаю, – почти прошептала управляющая и отрицательно покрутила головой. Из ее глаз наконец-то просочились первые слезы. – Не знаю, не знаю. Она... такая... Пустое место, извините. Кому она могла помешать, кому могла навредить? Валерий – да, это была личность, а она...

– А из-за бизнеса?

– Да кому он нужен, чтобы из-за него... Это же не «Норильский никель», это, по большому счету, баловство. Так только, чтобы прилично выглядеть да считаться бизнесменом.

– А враги?

– Откуда у Людмилы враги? Может, я и не все знаю, но она, по-моему, и врагов-то нажить была не в состоянии, земля ей пухом.

04.09. 2014

«Блог ведет президент республики»

«Дорогие мои юные друзья! Я часто получаю письма с вопросом о развитии олимпийской базы резерва. Конечно, не только президент, но и любой гражданин нашей республики заинтересован в том, чтобы в стране была мощная, современная, удобная и доступная спортивная база. Но на фоне первоочередных задач, стоящих перед правительством, эта является трудноразрешимой. Посудите сами: когда в стране не хватает детских учреждений, когда у студентов стипендии все еще остаются на уровне ниже, чем бы этого хотелось, когда требуют повышения пенсий, социальных пособий, зарплат работникам бюджетной сферы, то проблема спорта как-то отходит на второй план. Единственный выход, и мы над этим серьезно работаем, – привлечь инвестиции, подтянуть частный капитал. И если нам удастся получить согласие на проведение в республике серьезного международного спортивного мероприятия, тогда можно рассчитывать на прорыв хотя бы в столице. А окупается все это очень быстро, главное – вложить.»

Кстати, а куда исчезла из сферы общения Галя бобо? Галя, я уже начал скучать по репортажам о твоих успехах в учебе, спорте. Ты для меня как олицетворение, как яркий образ представительницы молодежной среды, одна из тысяч и сотен тысяч дочек. Все вы мои дети, и обо всех вас я думаю постоянно!»

Главу муниципального образования «Озерки» Гуров застал за странным занятием. Крупный грузный мужчина в необъятной льняной рубашке сидел за своим рабочим столом в офисе администрации поселка и блаженно шурился. У Гурова возникло ощущение, что он часть этого замечательного окружающего мира, который так радует главу администрации, доставляет ему столько удовольствия и неподдельной радости. Иначе откуда эта блаженная улыбка, откуда мутная поволока счастья в глазах. Хотя Игорь Вадимович, как секретарь представила Гурову главу поселка, почему-то не встал и не протянул гостю руку. Невелика шишка, а однако...

– Да-да, я понял, – благосклонно кивнул Игорь Вадимович. – Вы полковник из Москвы, из МВД.

– Гм, – поперхнулся Гуров, чувствуя себя как минимум на приеме у главы «Газпрома», хотя там вряд ли ему при встрече стали бы вот так блаженно улыбаться. Там не до него. – Да, полковник полиции Гуров Лев Иванович. И мне нужна ваша помощь.

– Да-да, конечно, – поерзал в кресле глава, и тут до чуткого слуха сыщика донесся еле слышный всплеск воды.

– Я, конечно, не стал бы вас беспокоить, – пытаюсь сдержать улыбку, сказал он, – но согласитесь, если уж к вам пришел полковник полиции, то дело важное. Очень важное.

– Я понимаю, – заверил, вдруг забеспокоившись, Игорь Вадимович. Лицо у него сделалось серьезным и даже каким-то озабоченным.

– Кстати, – продолжал Гуров с самым серьезным видом, – сейчас появились совершенно замечательные составы для ножных ванн. Снимают усталость мгновенно. И отек тоже. Очень рекомендую, если хотите...

– Простите, Лев Иванович. – Глава при своих габаритах шумно зашевелил ступнями в тазике с водой, стоявшем под его столом. – Я ведь вас не ждал, а вы с таким напором... э-э, напросились в кабинет, что я просто... Не успел, что ли. Думал, не заметите. Вы погодите, я сейчас... Лена-а!

Голос главы был похож на трубные звуки, издаваемые слонами в саванне. Гуров непроизвольно поморщился и отошел к окну. Не стоило смущать местное начальство созерцанием процесса вытирания ног, надевания носков и обувания ботинок с неизменным кряхтением. Он смотрел на ухоженную улицу с бетонными чашами, в которых все еще радовались солнцу последние цветы-ноготки. А за спиной Игорь Вадимович перешептывался со своей помощницей. Кряхтения было более чем достаточно, потом торопливый перестук каблучков возвестил, что таз успешно убран из кабинета, а глава администрации приведен в полный порядок.

– Так, я вас слушаю, – уже другим тоном произнес Игорь Вадимович. – Прошу, присаживайтесь.

– Благодарю вас, – кивнул Лев, усаживаясь за маленький приставной столик. – Мне нужна ваша помощь, Игорь Вадимович, вот в каком деле. Жительница вашего поселка, кроме имени Оксана, я о ней ничего не знаю, намерена открыть в Озерках салон красоты. Мне необходимо установить ее личность и встретиться с ней.

– А-а! Сало-он? – даже как-то обрадовался глава. – Так это, наверное, Лахнова? Я не помню, как ее зовут, но она единственная, кто оформлял в этом году, э-э, ставил нас в известность об этом виде предпринимательской деятельности. И еще через нас проходил перевод помещения из жилого в нежилое.

– Можно мне о ней узнать побольше? – напомнил Гуров о цели визита.

– Да-да, – заверил Игорь Вадимович, открыв было рот, чтобы снова трубными звуками привлечь внимание своей помощницы.

Наверное, у них тут такие порядки, так заведено, с иронией подумал Лев. Но не стоит судить, так как сейчас он находится на территории, так сказать, «чужого монастыря», и надо снисходительно относиться к «некоторым пунктам его устава». Впрочем, Игорь Вадимович воздержался-таки от призывных криков и с некоторым трудом выбрался из пространства между столом и собственным креслом.

Через несколько минут он торжественно вернулся с пластиковой папкой, куда, видимо, поспешно были сложены надерганные из других источников документы. Гуров выбрал листок, содержащий анкетные данные заявителя, то есть Оксаны Михайловны Лахновой.

– Вы мне вот с этого листочка копию сделайте, – попросил он.

Игорь Вадимович снова удалился, а сыщик стал бегло просматривать другие документы. Все они касались организации индивидуальным предпринимателем Лахновой Оксаной Михайловной деятельности салона красоты на территории поселка Озерки. Получалось, что именно к ней и ехала поздним вечером Людмила Зайченко. Администрация знает, кто и чем у них занимается. Значит, это она. А вот и контактные телефоны. Точнее, один номер.

Через три минуты Гуров был возле нужного ему дома. Такой же коттедж, как и у большинства в этом поселке. Не бедный, но и без архитектурных излишеств. Кстати, во внешнем облике коттеджа Лахновой чувствовался определенный архитектурный вкус. Было тут какое-то стремление создать положительное эмоциональное душевное восприятие не за счет высоты и сложности, а за счет линий и композиции. Почти половину объема здания занимала крыша в двух, даже в трех уровнях. Мягкого, светло-шоколадного цвета кровля не смотрелась громоздко. Наоборот, она создавала эффект приземленности, уюта даже при взгляде снаружи, она надежно накрывала два этажа и пристроенный гараж, выпуская наружу обширную лоджию и два мансардных окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.